

© Белянская О.В., 2019

DOI 10.20310/2587-9340-2019-3-10-145-158

УДК 34.0

ИНСТИТУТ НЕДЕЕСПОСОБНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

О.В. Белянская

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8936-2766>, e-mail: 520877@mail.ru

Аннотация. Проанализировано одно из важнейших правовых свойств личности – дееспособность, а также условия признания лица недееспособным. Нормы института недееспособности сформировались еще в римском праве и в современных правовых системах являются показателем уровня толерантного отношения к различным отклонениям в социальном поведении личности. Приводится краткий анализ положений римского права о факторах и условиях ограничения дееспособности и признания лица недееспособным. В Древнем Риме только свободно-рожденный человек обладал правоспособностью и дееспособностью, а причиной ограничения дееспособности могло быть состояние здоровья, бесчестье, расточительство. Основу правового регулирования института недееспособности в российском гражданском и уголовном праве составляют базовые положения римского права, которые трансформировались и отражают современные медицинские знания и представления о социальном положении граждан. Ограниченно дееспособными граждане могут признаваться исходя из разных обстоятельств; соответственно, предусмотрены и разные виды ограничений в реализации их прав. Это является основанием деления ограниченной дееспособности лица на два вида – полное и частичное. Проанализированы условия для частичного ограничения дееспособности, приведены мнения ученых относительно необходимости введения таких оснований, как зависимость от компьютерных игр, игромания, расточительство. Предположено, что данные обстоятельства необходимо учитывать при принятии решений об ограничении дееспособности и формировать соответствующую судебную практику. Предложена новая формулировка абзаца 1 части 1 статьи 30 ГК РФ.

Ключевые слова: недееспособность; ограниченная дееспособность; институт недееспособности; частичное ограничение дееспособности; психические заболевания; римское право

ВВЕДЕНИЕ

Нормы института недееспособности присутствуют в различных отраслях российского права – гражданском, семейном, уголовном. В последнем данный институт определяется как «невменяемость».

Реализация и защита своих прав недееспособными и ограниченно дееспособными лицами в большей мере затруднительна, а иногда и невозможна, что делает их одной из наиболее уязвимых категорий населения. С.П. Кубанцев полагает, что общественное мнение к проблеме невменяемости носит перманентный характер, показывает отношение общества к соблюдению прав человека и проявляется как «в полном неприятии невменяемости и желании наказать лицо, совершившее преступное деяние, до полного признания невменяемости в качестве основания освобождения от уголовной ответственности. На сегодняшний день можно с уверенностью констатировать, что законодательные положения об освобождении от уголовной ответственности лица, страдающего психическими заболеваниями и совершившего уголовно-наказуемое деяние, прочно заняли свое место в мире – как на национальном, так и на международном уровне» [1].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Положение людей с ограниченными физическими и умственными возможностями в разные исторические периоды зависело от множества факторов: состояния экономики, политической идеологии, преобладающей в обществе, культуры и нравственности.

Нормы института недееспособности получили свое начало в римском праве и отражали специфику правоотношений и уровень медицинских знаний того периода.

На дееспособность римлянина влияло несколько обстоятельств – возраст, социальное, семейное положение. Недееспособность лица в большей степени была связана именно с его социальным статусом. Русский юрист И.А. Покровский писал, что полностью правоспособное и дееспособное лицо в Древнем Риме должно было обладать тремя статусами: свободы, гражданства, а также семейного положения. Основным условием полной правоспособности, а соответственно, и полной дееспособности в Древнем Риме было обладание свободой. Древнеримское общество делилось на свободных и рабов. Рабы были бесправны. В Древнем Риме раб – это имущество, говорящее орудие хо-

зяина. Состояние несвободы передавалось по наследству. Только свободнорожденный человек обладал правоспособностью и дееспособностью. Либертины (вольнотпущенники) не имели полной правосубъектности, в связи с чем отпустивший раба господин – патрон – являлся как бы юридическим отцом либертина. Вольнотпущенник обязан был оказывать патрону уважение и различные услуги [2].

В.В. Вармунд отмечает, что «состояние здоровья влияло на объем дееспособности по законодательству древнеримского государства. Так, у лиц, которые были глухонемыми, ограничивалась процессуальная дееспособность. Они не могли возбудить гражданское дело в легисакционном процессе. Наиболее существенно ограничивались права лиц, страдающих от болезненных состояний психики. Такие лица были полностью недееспособны и не имели права на совершение никаких сделок» [3].

В Римском праве на объем дееспособности, безусловно, влиял и возраст. *Infantes* – лица, не достигшие возраста 7 лет. Они не обладали дееспособностью. *Impuberes* – для получения такого статуса важен был не только возраст, но и пол. «Мальчики имели этот статус от 7 до 14 лет, а девочки от 7 до 12 лет. Лица, обладавшие правовым статусом *Impuberes*, могли совершать только те сделки, которые вели к приобретению им каких-либо благ без внесения платы и без наложения иных обязанностей. Для совершения сделки, влекущей за собой наложение обязанности, требовалось согласие опекуна» [4]. Также лица данной категории дееспособности могли совершать мелкие бытовые сделки. После наступления 14 лет для мальчиков и 12 лет для девочек лицо становилось полностью дееспособным, но при этом по собственному усмотрению могло назначить попечителя, если лицо не старше 25 лет. После достижения этого возраста отношения попечительства должны быть прекращены.

И.В. Сиваракша отмечает, что дееспособность в Древнем Риме могла быть ограничена в результате «бесчестья» (*Infamia*). Бесчестье было фактическим и юридическим. Фактическое бесчестье называлось *Turpido*. Такой правовой статус получали лица, ведущие аморальный образ жизни, но не наказанные за это органами власти. Данные лица лишались процессуальной дееспособности и не могли выступать в судебном заседании в качестве свидетелей. Теряли они и политическую дееспособность, то есть не могли быть избранными на должности, связанные с управлением. В сфере гражданского права они также утрачивали некоторые права: они не могли быть опекунами. Такая форма ог-

раничения дееспособности лица не требовала индивидуально-правовых постановлений.

В римском праве был институт законного бесчестья *Infamia juris mediate*. Данный статус определялся органом, уполномоченным на осуществление судебной власти, за невыполнение обязательства в таких договорах, как: договор поклажи, товарищества и поручения. Такая форма бесчестья также могла быть назначена за совершение уголовно-наказуемого действия или бездействия помимо основного наказания.

В политической сфере права ограничивались тем, что такое лицо не могло занимать почетные должности. В гражданско-правовой сфере права лица, получившие такое ограничение, умалялись тем, что лицо не могло становиться участником наследственных правоотношений. Также лицо утрачивало право на место на играх или религиозных церемониях. Бесчестье могло быть пожизненным или временным. Юридическое бесчестье могло быть снято судом или иным органом власти. Фактическое бесчестье могло быть снято государственным органом посредством акта, запрещающего распускать слухи, которые несут в себе негативную информацию о каком-либо лице, а также соответствующе к нему относиться [5].

Поводом для ограничения дееспособности лица в Древнем Риме являлось и такое свойство характера, как расточительство. Положения закона двенадцати таблиц предписывали возможность установления опеки над лицом, признанном в установленном законом порядке расточителем, который ограничивался в правах по распоряжению принадлежащим имуществом. По заявлению заинтересованных лиц человек, в чьих действиях можно было усмотреть признаки расточительства, мог быть признан ограниченно дееспособным. Заявление не являлось обязательным условием признания лица расточителем. Уполномоченные должностные лица, такие как магистрат или претор, могли и по собственной инициативе начать исследование деяний лица на наличие расточительных наклонностей. Если расточительный характер действий подтверждался, то на имущество лица, признанного расточителем, налагалось запрещение. Расточителю назначался попечитель. Без согласия попечителя лицо, признанное расточителем, не могло совершать многие виды сделок. Без согласия попечителя расточители имели права вступать в те правоотношения, в результате которых они получали какие-либо блага и не несли обязанностей. Процессуальная дееспособность лиц, признанных расточителями, также ограничивалась. Они не

могли от своего имени или через своих представителей участвовать в гражданских процессуальных правоотношениях и заканчивать судебные дела мировым соглашением.

В России нормы о недееспособности, в том числе и по причине расточительства, появились в результате рецепции римского права. В частности, институт признания расточителем был введен Петром I в его Именном указе от 6 апреля 1722 г. «О свидетельствовании дураков в Сенате» [6].

Указ Петра I регулировал правовой статус расточителей, а также душевнобольных лиц. О.А. Плоцкая отмечает, что Указ «О свидетельствовании дураков в Сенате» ограничивал также и дееспособность лиц, имеющих патологии психики в сфере семейного права. Душевнобольные, согласно данному указу, не могли вступать в брачные отношения [7].

В России ограничение дееспособности душевнобольных производилось и до Петра I. Так, «в судном законе, изданном во время правления Владимира Мономаха, содержалось требование ограничить процессуальную дееспособность так называемых «бесных». В то время душевная болезнь считалась последствием одержимости человека злыми силами. Душевнобольные не могли быть свидетелями» [8]. Фактически дееспособность лиц ограничивало только это обстоятельство.

В отечественном праве нормы о недееспособности лиц в основном содержатся в гражданском и уголовном праве. Основу правового регулирования института недееспособности в современном российском праве составляют базовые положения римского права, которые, безусловно, трансформировались и отражают современные медицинские знания и представления о социальном положении граждан.

Особая роль норм данного института в уголовно-правовых отношениях, что связано с привлечением лица к ответственности. А.М. Биярсланова высказывает мысль о том, что «психическое состояние лица является важным и юридически значимым критерием при решении вопроса о привлечении к какому-либо виду юридической ответственности или иных последствиях действий или бездействий лица» [9].

В уголовном праве Российской Федерации порядок освобождения лица, страдающего расстройством психики, регулирует статья 21 УК РФ, в которой закреплено определение данной категории: «невменяемость – это особое состояние, когда лицо не может «осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие хронического психического рас-

стройства, временного психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики»¹.

Дееспособность проявляется в возможности «гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их» (статья 21 ГК РФ)². Соответственно, недееспособность – это невозможность лица своими действиями осуществлять свои права и юридические обязанности. Из данного определения следует, что гражданин, не обладающий полной дееспособностью, не может быть полноправным участником правовых отношений.

В ГК РФ определено, что «гражданин, который вследствие психического расстройства не может понимать значения своих действий или руководить ими, может быть признан судом недееспособным в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством» (статья 29 ГК РФ)³.

Институты недееспособности и невменяемости схожи в том, что состояния недееспособности и невменяемости освобождают от ответственности лицо, совершившее правонарушение, вследствие того, что оно не может осознать значение своих действий из-за болезни психики.

В гражданском праве Российской Федерации кроме правовых положений о дееспособности и недееспособности есть нормы об ограниченной дееспособности, что имеет значение в современных правоотношениях.

Ограниченно дееспособными граждане могут признаваться исходя из разных причин, соответственно, предусмотрены и разные виды ограничений в реализации их прав. Собственно, это и является основанием деления ограниченной дееспособности лица на два вида – полное и частичное.

Полное ограничение дееспособности возможно лишь в отношении лица, страдающего психическим расстройством, из-за которого оно не может осознавать значение своих действий. Данная категория лиц с ограниченной дееспособностью предусмотрена статьей 29 ГК РФ. Как отмечает И.Р. Шикула, «дееспособность лица не может быть ограничена только на основании наличия у него психиатрического заболевания».

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 2954.

² Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

³ Там же.

ния, а также нахождения его в лечебном учреждении психиатрического профиля. Важно учитывать то, что недееспособными являются не все лица, имеющие психиатрический диагноз» [10].

В.С. Тарханов, проводя исследование по медико-социальной характеристике пациентов психиатрического стационара, выявил, что из 500 больных, проходивших лечение в психиатрическом стационаре, было «установлено, что <...> в нозологической структуре госпитализированных преобладали больные с психозами и состоянием слабоумия, а также психическими расстройствами непсихотического характера, у 65,9 % имелись выраженные нарушения интеллектуальной сферы, 22,5 % были признаны недееспособными...» [11]. Это говорит о том, что не каждое психическое заболевание ведет к потере дееспособности. При некоторых поражениях личности человек все же может сам отвечать за свои деяния, а также руководить ими, осознавать последствия своих действий и бездействий. Также исследователь указывает на то, что не у всех лиц, имеющих расстройства психики, имеются социально-опасные тенденции. Соответственно, наличие у человека психического заболевания еще не значит то, что лицо, страдающее каким-либо расстройством психики, будет совершать противоправные действия, и это будет являться основанием для ограничения его дееспособности.

Наличие у лица психиатрического заболевания может являться основанием и для частичного ограничения дееспособности в порядке и на основаниях положений статьи 30 ГК РФ. «Частичное ограничение дееспособности возможно и в случае, когда лицо страдает зависимостью от наркотических средств, алкогольных напитков, а также имеющее пристрастие к азартным играм, в результате чего оно ставит свою семью в тяжелое материальное положение» (часть 1 статьи 30 ГК РФ)⁴.

О.В. Кириченко считает, что данная статья несовершенна и «дееспособность лица должна ограничиваться, если оно в результате злоупотребления алкогольными напитками, наркотиками, а также пристрастием к азартным играм ставит в тяжелое материальное положение себя, свою семью, а также иных лиц, которых данное лицо обязано содержать в соответствии с законодательством» [12].

Достаточно остро стоит вопрос с основанием такого возможного признака субъекта неполной дееспособности, как игровая зависимость. М.М. Курманбаев определяет игровую зависимость как «патологиче-

⁴ Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

ское влечение к азартным играм, заключающееся в повторяющихся и частых эпизодах участия человека в азартных играх, которые имеют в жизни лица первостепенное значение и имеют такие последствия для лица, являющегося игроманом, как: снижение профессиональных, материальных и семейных ценностей человека» [13]. Игромания отличается от хобби, связанного с азартными играми, тем, что при игромании человек не способен прекратить играть в азартные игры даже после наступления негативных последствий.

Ряд авторов считают, что «в качестве субъекта неполной дееспособности должен выступать не только человек, зависимый от азартных игр, но также и лицо, имеющее зависимость от компьютерных игр. Увлечение компьютерными играми может привести к зависимости, сходной с зависимостью от азартных игр. Разница между двумя видами зависимости состоит в том, что увлеченность компьютерными играми не имеет в своей основе азарт, направленный на получение прибыли» [14].

В.С. Позднякова выделяет ряд признаков лица, зависимого от компьютерных игр: «постоянное увеличение времени, проводимого за компьютером, увеличение денежных расходов на покупку новых игр, а также компьютерной техники, ничто не может отвлечь от игры, отказ от выполнения необходимых дел, утрата социальных связей» [15].

А.Я. Устинова полагает, что для лица, зависимого от компьютерных игр, характерно то, что компьютерная игра становится основным видом деятельности, а вся остальная деятельность направляется только на выживание, а также на удовлетворение своей потребности в игре [16]. Т.А. Зелепукина также считает, что наличие у лица интернет-зависимости может выступать как основание для ограничения лица в дееспособности на том основании, что «у интернет-зависимого человека теряется чувство времени, нарушается мозговая деятельность, теряется способность к обучению» [17].

Заслуживает внимания мнение о том, что в статью 30 ГК РФ необходимо внести такое основание ограничения дееспособности, как расточительство [18, с. 34]. Дореволюционный юрист Ю.С. Гамбаров понимал расточительство как бесцельную, безрассудную, бессмысленную растрату средств. Также данный автор справедливо считал, что и право Древнего Рима, и право Российской империи неверно приравнивали расточительство к психической болезни. Основанием для наложения опеки на физическое лицо, признанное расточителем, служит не состояние психики, а его привычки [19, с. 511-514].

Институт ограничения дееспособности в связи с расточительством косвенно присутствует в части 4 статьи 26 ГК РФ. Лицо, достигшее возраста 14 лет, имеет право распоряжаться своими доходами, но по ходатайству законных представителей или органов опеки и попечительства такое лицо может быть ограничено в дееспособности при наличии достаточных оснований. Как мы полагаем, таким основанием может быть та ситуация, когда лицо расходует во вред своим интересам средства, и мера может быть применена к совершеннолетним лицам, если они ставят в затруднительное материальное положение членов своей семьи.

ВЫВОДЫ

Развитие общественных отношений и различных технологий порождает необходимость пересмотра фактов и обстоятельств, позволяющих признать лицо частично недееспособным, при этом основания для полного ограничения дееспособности остаются на протяжении многих столетий одни и те же – это психосоматические расстройства, не позволяющие лицу осознавать характер своих действий.

На основе анализа точек зрения различных авторов относительно недостатков гражданского законодательства в части формулировок оснований для признания лица ограниченно дееспособным мы делаем вывод, что с большинством из них можно согласиться. В качестве обстоятельств для частичного ограничения дееспособности следует учитывать зависимость от компьютерных игр, игроманию, расточительство. Но при этом полагаем, что это не обязательно должно отражаться в законодательстве в качестве перечня отклонений, а может учитываться судьями при рассмотрении конкретных дел и тем самым формировать соответствующую судебную практику. Для этого абзац 1 части 1 статьи 30 ГК РФ предлагаем изложить следующим образом:

«1. Гражданин, который вследствие пристрастия к азартным играм, злоупотребления спиртными напитками, наркотическими средствами или иным негативным поведением (выделено мной. – О. Б.) ставит членов своей семьи в тяжелое материальное положение, может быть ограничен судом в дееспособности в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством. Над ним устанавливается попечительство».

Список литературы

1. *Кубанцев С.П.* Институт невменяемости в уголовном праве США и права человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 36 с.
2. *Костина И.Б.* Социально-правовой статус личности в римском праве (на материале «Истории римского права» И.А. Покровского) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 6-2. С. 92-95.
3. *Вармунд В.В.* Генезис правосубъектности физических лиц в Древнем Риме // Актуальные проблемы государственного управления, экономики, юриспруденции и психологии: сб. науч. тр. М., 2015. С. 67-74.
4. *Родин С.Г.* Несовершеннолетние и закон в древнем мире // Территория науки. 2012. № 1. С. 174-179.
5. *Сиваракиша И.В.* К вопросу о гражданстве в римском праве (историко-правовой аспект) // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2015. № 25. С. 52-57.
6. Законодательство Петра I. 1696–1725 годы / сост., авт. предисл. и вступ. ст. В.А. Томсинов. М.: Зерцало, 2014.
7. *Плоцкая О.А.* Требования к заключению брака в обычном праве пермских народов и российском законодательстве XVIII–XIX веках // Юридический вестник ДГУ. 2016. № 4. С. 24-30.
8. *Юрасов В.В., Алексеева Ю.В., Долгих А.В., Привалова Н.В.* Судебно-психиатрическая экспертиза: история и современность // Вестник судебной медицины. 2014. Т. 3. № 3. С. 30-35.
9. *Биярсланова А.М.* Проблема определения «неполная мера дееспособности» субъекта в гражданском праве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 3-1. С. 237-239.
10. *Шикула И.Р.* Проблемные вопросы социально-правовой защиты лиц, страдающих психическими расстройствами // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 11-2. С. 148-150.
11. *Тарханов В.С.* Медико-социальная характеристика пациентов психиатрического стационара // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. С. 1090.
12. *Кириченко О.В.* Актуальные вопросы, связанные с ограничением дееспособности граждан // Современное право. 2012. № 9. С. 87-89.
13. *Курманбаев М.М.* Патологическое влечение к азартным играм как основание для ограничения дееспособности граждан // Агропродовольственная политика России. 2014. № 7 (19). С. 72-74.
14. *Чигвинцев И., Рудых С.Н.* Некоторые проблемы ограничения дееспособности по Гражданскому кодексу Российской Федерации // Актуальные проблемы права, экономики и управления. 2016. № 12. С. 212-213.
15. *Позднякова В.С.* Проблема игровой зависимости молодежи на примере компьютерных игр // Сетевой научный журнал ОрелГАУ. 2016. № 2 (7). С. 233-236.
16. *Устинова А.А.* Геймерство – болезнь XXI века // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014. № 3 (40). С. 308-313.
17. *Зеленукина Т.А.* Интернет-зависимость как основание для ограничения дееспособности // Научная дискуссия современной молодежи: экономика и право: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Пенза, 2016. С. 613-615.

18. *Бур К.А.* Признание судом гражданина недееспособным // Перспективы государственно-правового развития России в XXI веке: материалы Всерос. науч.-теорет. конф. адъюнктов, курсантов и слушателей вузов МВД России, аспирантов и студентов образоват. организаций, посвящ. 55-летию Ростов. юрид. ин-та МВД Российской Федерации. Ростов н/Д.: Изд-во Ростов. юрид. ин-та МВД РФ, 2016. С. 32-36.
19. *Гамбаров Ю.С.* Курс гражданского права. Часть общая. Спб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1911.

Поступила в редакцию 20.02.2019 г.

Поступила после рецензирования 18.03.2019 г.

Принята к публикации 25.04.2019 г.

Информация об авторе

Белянская Ольга Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина. г. Тамбов, Российская Федерация.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8936-2766>, e-mail: 520877@mail.ru

Для цитирования

Белянская О.В. Институт недееспособности в современном российском праве // Актуальные проблемы государства и права. 2019. Т. 3. № 10. С. 145-158. DOI 10.20310/2587-9340-2019-3-10-145-158

DOI 10.20310/2587-9340-2019-3-10-145-158

INSTITUTE OF INCAPACITY IN CONTEMPORARY RUSSIAN LAW

O.V. Belyanskaya

Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8936-2766>, e-mail: 520877@mail.ru

Abstract. We analyze one of the most important legal properties of the individual – capacity, as well as conditions of recognition person as incapable. Institute of incapacity norms were formed in Roman law, and in contemporary legal systems they are an indicator of tolerance level towards various deviations in the social behavior of an individual. We give a brief analysis of the Roman law provisions on the factors and conditions for the capacity diminishment and the recognition of a person as incapable. In Ancient Rome, only free-born man had legal capacity and personal capacity, and the reason for capacity diminishment could be the state of health, disgrace, wastefulness. The basis of institute of incapacity legal regulation in Russian civil and crim-

inal law is the basic provisions of Roman law, which have been transformed and reflect contemporary medical knowledge and ideas about the social status of citizens. Citizens with diminished capacity may be recognized on the basis of various circumstances; accordingly, there are different types of restrictions in the implementation of their rights. This is the basis for dividing the diminished capacity of a person into two types – full and partial. We analyze the conditions for partial diminished of capacity. We provide judgments of scientists on the need to introduce such grounds as video games addiction, gambling, and wastefulness. We assume that these circumstances should be taken into account upon making decisions on the capacity diminishment and develop the relevant judicial practice. We propose a new wording of paragraph 1 of part 1 of article 30 of the Civil Code of the Russian Federation.

Keywords: incapacity; diminished capacity; institute of incapacity; partial diminished of capacity; mental illnesses; Roman law

References

1. Kubantsev S.P. *Institut nevmenyayemosti v ugovnom prave SSHA i prava cheloveka: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Institute of Mental Derangement in Criminal Law and Human Rights of USA. Cand. juris. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2006, 36 p. (In Russian).
2. Kostina I.B. Sotsial'no-pravovoy status lichnosti v rimskom prave (na materiale «Istorii rimskogo prava» I.A. Pokrovskogo) [Person's social-legal status in Roman law (by the material of Roman law history by I.A. Pokrovskii)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, 2011, no. 6-2, pp. 92-95. (In Russian).
3. Varmund V.V. Genезis pravosub'yektnosti fizicheskikh lits v Drevnem Rime [The genesis of legal standing of individuals in ancient Rome]. *Sbornik nauchnykh trudov «Aktual'nyye problemy gosudarstvennogo upravleniya, ekonomiki, yurisprudentsii i psikhologii»* [Scientific Digest “Actual Problems of Public Administration, Economics, Law and Psychology”]. Moscow, 2015, pp. 67-74. (In Russian).
4. Rodin S.G. Nesovershennoletniye i zakon v drevnem mire [Juveniles and the law in the ancient world]. *Territoriya nauki* [Territory of Science], 2012, no. 1, pp. 174-179. (In Russian).
5. Sivaraksha I.V. K voprosu o grazhdanstve v rimskom prave (istoriko-pravovoy aspekt) [To a question of nationality in the Roman right (historical and legal aspect)]. *Trudy Orenburgskogo instituta (filiala) Moskovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii – Scientific Works of Orenburg Institute (Branch) of MSLA*, 2015, no. 25, pp. 52-57. (In Russian).
6. Tomsinov V.A. (compiler, foreword and introductory article author). *Zakonodatel'stvo Petra I. 1696–1725 gody* [Legislation of Peter I. 1696–1725]. Moscow, Zertsalo Publ., 2014. (In Russian).
7. Plotskaya O.A. Trebovaniya k zaklyucheniyu braka v obychnom prave permskikh narodov i rossiyskom zakonodatel'stve XVIII–XIX vekakh [Requirements for marriage in customary law of the Perm nations and the Russian legislation in the 18th–19th centuries]. *Yuridicheskiy vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta – Law Herald of Dagestan State University*, 2016, no. 4, pp. 24-30. (In Russian).

8. Yurasov V.V., Alekseyeva Y.V., Dolgikh A.V., Privalova N.V. Sudebno-psikhiatricheskaya ekspertiza: istoriya i sovremennost' [Forensic psychiatric examination: past and present]. *Vestnik sudebnoy meditsiny – Bulletin of Forensic Medicine*, 2014, vol. 3, no. 3, pp. 30-35. (In Russian).
9. Biyarlanova A.M. Problema opredeleniya «nepolnaya mera deyespo-sobnosti» sub'yekta v grazhdanskom prave [Definition problems “The incomplete measure” of capacity of the subject with the mental disorder in civil law]. *Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki – Humanities, Social-economic and Social Sciences*, 2015, no. 3-1, pp. 237-239. (In Russian).
10. Shikula I.R. Problemnyye voprosy sotsial'no-pravovoy zashchity lits, stradayushchikh psikhicheskimi rasstroystvami [Problem issues of social and legal protection for persons suffering with mental disorders]. *Aktual'nyye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk [Current Problems of Humanitarian and Natural Sciences]*, 2013, no. 11-2, pp. 148-150. (In Russian).
11. Tarkhanov V.S. Mediko-sotsial'naya kharakteristika patsiyentov psikhiatricheskogo stacionara [Medical and social characteristics of the patient psychiatric hospital]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya – Modern Problems of Science and Education*, 2014, no. 6, pp. 1090. (In Russian).
12. Kirichenko O.V. Aktual'nyye voprosy, svyazannyye s ogranicheniyem deyesposobnosti grazhdan [The topical issues connected with restriction of capacity of citizens]. *Sovremennoye pravo – Modern Law*, 2012, no. 9, pp. 87-89. (In Russian).
13. Kurmanbayev M.M. Patologicheskoye vlecheniye k azartnym igras kak osnovaniye dlya ogranicheniya deyesposobnosti grazhdan [Pathological attraction to gambling as a basis for capacity diminishment of citizens]. *Agroprodovol'stvennaya politika Rossii – Agro-Food Policy in Russia*, 2014, no. 7 (19), pp. 72-74. (In Russian).
14. Chigvintsev I., Rudykh S.N. Nekotoryye problemy ogranicheniya deyesposobnosti po Grazhdanskomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii [Some problems of capacity diminishment by the Civil Code of the Russian Federation]. *Aktual'nyye problemy prava, ekonomiki i upravleniy [Current Problems of Law, Economics and Management]*, 2016, no. 12, pp. 212-213. (In Russian).
15. Pozdnyakova V.S. Problema igrovoy zavisimosti molodezhi na primere komp'yuternykh igr [Problem of game addiction among teenagers (on the example of computer games)]. *Setevoy nauchnyy zhurnal OrelGAU [Online Scientific Journal of Orel State Agrarian University]*, 2016, no. 2 (7), pp. 233-236. (In Russian).
16. Ustinova A.Y. Geymerstvo – bolezni' XXI veka [Are computer games a disease of the 19th century]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura – Caspian Region: Policy, Economy, Culture*, 2014, no. 3 (40), pp. 308-313. (In Russian).
17. Zelepukina T.A. Internet-zavisimost' kak osnovaniye dlya ogranicheniya deyesposobnosti [Internet addiction as a basis for capacity diminishment]. *Sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Nauchnaya diskussiya sovremennoy molodezhi: ekonomika i pravo» [Digest of International Scientific and Practical Conference “Scientific Discussion of Modern Youth: Economics and Law”]*. Penza, 2016, pp. 613-615. (In Russian).
18. Bur K.A. Priznaniye sudom grazhdanina nedeyesposobnym [Recognition of incapable citizen by the court]. *Materialy Vserossiyskoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii ad'yunktov, kursantov i slushateley vuzov MVD Rossii, aspirantov i studentov obrazovatel'nykh organizatsiy, posvyashchennoy 55-letiyu Rostovskogo yuridicheskogo*

- instituta MVD Rossiyskoy Federatsii «Perspektivy gosudarstvenno-pravovogo razvitiya Rossii v XXI veke»* [Proceedings of the All-Russian Scientific and Theoretical Conference of Adjuncts, Cadets and Listeners of the Ministry of Internal Affairs Universities of Russia, Post-Graduate Students and Students of Educational Institutions, Dedicated to 55th Anniversary of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation “Prospects of State and Legal Development of Russia in 21th Century”]. Rostov-on-Don, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., 2016, pp. 32-36. (In Russian).
19. Gambarov Y.S. *Kurs grazhdanskogo prava. Chast' obshchaya* [Civil Law Course. General Part]. St. Petersburg, M.M. Stasyulevich's Typography, 1911. (In Russian).

Received 20 February 2019

Reviewed 18 March 2019

Accepted for press 25 April 2019

Information about the author

Belyanskaya Olga Viktorovna – Candidate of Jurisprudence, Associate Professor, Professor of Theory and History of State and Law Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8936-2766>, e-mail: 520877@mail.ru

For citation

Belyanskaya O.V. Institut nedeyesposobnosti v sovremennom rossiyskom prave [Institute of incapacity in contemporary Russian law]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2019, vol. 3, no. 10, pp. 145-158. DOI 10.20310/2587-9340-2019-3-10-145-158 (In Russian, Abstr. in Engl.)